Елена Арсеньева

любовь великих женщин

Прекрасные авантюристки

Елена Арсеньева

Тысяча и одна ночь (Княжна Тараканова)

Серия «Прекрасные авантюристки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138518
Прекрасные авантюристки: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-04718-2

Аннотация

Кто они, прекрасные авантюристки, прославившие себя в нашем Отечестве? Что двигало этими женщинами, заставляя их искать приключений и пытаться изменить предначертанное судьбой? Почему, невзирая на трудности и опасности, шли они не по той тропе, которая ждала их от рождения, а по выбранной ими самим, отчего яростно спорили с волей небес, поражая и восхищая тем самым своих современников? Об ослепительном блеске и печальном закате звезды княжны Таракановой, о страстных авантюрах фаворитки Петра I Анны Монс читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой…

Содержание

От автора 4
Тысяча и одна ночь 6
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Елена Арсеньева
Тысяча и одна ночь
Княжна Тараканова

От автора

Слово «авантюристка» воспринимается нами как не очень почтенное. Что-то вроде обманщицы, мошенницы, чуть ли не спекулянтки. Согласно словарю Даля, «авантюрист – искатель счастья, приключений; землепроходец, проходимец».

Слово «авантюра» по-французски означает приключение. И авантюристка – или *авантюрьерка*, как очаровательно говорили в старину! – это не более чем искательница приключений. Совсем другое дело, верно? Если авантюристка все же мошенница, то она пытается не обмишурить ближнего своего, а – обмануть судьбу.

Искать приключений, уметь переписать предначертанное тебе от века, обладать достаточной смелостью, чтобы пройти – или хотя бы попытаться пройти! – по другой тропе, чем та, которая ждет тебя от рождения. Споткнуться на этой тропе, упасть, свалиться в пропасть, выбраться снова на дорогу жизни или остаться лежать во прахе – но до самого смертного часа помнить, что хоть ненадолго, а все же удалось по-

спорить с непререкаемой волею небес!..

Именно о таких женщинах, отмеченных в русской истории с первых лет ее исчисления, и рассказывается в этой книге.

Тысяча и одна ночь
Княжна Тараканова

Шахерезада стояла перед зеркалом и смотрела на отражавшуюся в нем русскую принцессу:

– Имя мое – Елизавета-Августа. Я названа так в честь своей матери-императрицы. Родилась я в Петербурге. До девяти лет жила при своей матушке, на всю жизнь я запомнила роскошные палаты Зимнего дворца, изукрашенные золотом и драгоценными камнями…

Лицо Шахерезады приняло мечтательное выражение.

– Согласно завещанию матери моей, я должна была унаследовать российский трон, как только достигну совершеннолетия. До этой поры моим опекуном и одновременно регентом был племянник матушки, герцог Голштинский Петр Федорович. Матушка завещала, чтобы он именовался Петром III. В назначенное время он вернул бы мне наследственный престол, когда бы не его супруга. Сия злодейская Мессалина[1] не только уничтожила своего мужа и захватила власть, но и предала забвению завещание моей матери. Мне было тогда только десять лет, однако Екатерина обошлась со мной весьма жестокосердно. Меня отправили в Сибирь… О, эту

[1] Мессалина – третья жена римского императора Клавдия, властная и коварная женщина, одна из известнейших развратниц эпохи Империи.

недолгую, но страшную пору моей жизни я хотела бы забыть как можно скорей!

Прелестные черты Шахерезады затуманились, взор заволокло слезами:

– На мое счастье, сердобольный священник, знающий о моем происхождении, тайно вывез меня из Сибири. Он доставил меня в главный город донских казаков, однако враги узнали обо мне и попытались отравить…

Шахерезада схватилась за горло, словно задыхаясь, но все же справилась с голосом:

– На счастье, меня спасли друзья моей семьи и привезли к отцу, гетману Разумовски. Опасаясь за мою судьбу, отец послал меня к своему родственнику, шаху персидскому. Там, в Персии, я получила образование. Для меня были выписаны из Европы учителя. В ту пору я еще не знала о своем происхождении, однако, когда мне исполнилось семнадцать, шах открыл мне тайну моего рождения и предложил свою руку…

Шахерезада скромно потупилась, но тотчас вновь уставилась на принцессу:

– Однако участь мусульманской затворницы не влекла меня. Ведь я православная христианка и желала исповедовать свою религию. Кроме того, я мечтала вернуться на родину! Но шах не хотел отпустить меня и стал преследовать своим сладострастием. Тогда мне пришлось бежать в Европу, скрываться… И вот я решила заявить о своих наследственных правах. От души надеюсь, что с помощью моих друзей и

моего брата Эмилиана Пугачефф, который является сыном от первого брака Алекса Разумовски, моего отца, мне удастся осуществить волю моей матери, императрицы Елизаветы, и взойти на престол, который по праву должен принадлежать мне!

Шахерезада умолкла и какое-то мгновение в упор смотрела на принцессу своими огромными, сверкающими глазами. Лицо ее все еще пылало вдохновением.

Потом она глубоко вздохнула, успокаиваясь, и обернулась к мужчине, раскинувшемуся на постели и внимательно смотревшему на нее. Принцесса тоже устремила на него взор.

– Ну как? – спросила Шахерезада.

Мужчина – его звали Михаил Доманский, он был другом польского князя Карла Радзивилла и только недавно приехал во Франкфурт, чтобы встретиться с Шахерезадой (и принцессой!), – горячо зааплодировал.

В самом деле, звучало все это очень убедительно. Следует, правда, уточнить насчет отца-гетмана… Доманский хорошенько не помнил, но, кажется, гетманом был не Алексей Разумовский, а его брат Кирилл. А впрочем, это такая мелочь, на которую никто не обратит внимания, ведь в Европе никто не силен в русских реалиях. Зато очень трепетно прозвучало про золотые палаты Зимнего дворца, злодейскую Мессалину и ссылку в Сибирь. Про отравление – magnifiquement,[2] просто чудесно! А насчет сладострастного

[2] Великолепно (фр.)

персидского шаха… тут следует немножко поумерить пыл. Этот мифический шах еще не раз пригодится Шахерезаде. На него всегда можно сослаться, если понадобится вдруг неожиданно исчезнуть и развязаться с надоевшим любовником. Дядюшка персидский шах велит немедля прибыть к нему – и ищи ее, свищи эту Шахерезаду! Кроме того, его восточной щедростью можно объяснить внезапное появление некоторых сумм денег в сундуках Шахерезады. Но это тоже совсем незначительное замечание. А в общем-то все charmante.[3] Прелестно!

– Это потрясающе, ваше высочество, – сказал он прочувствованно. – Так и хочется преклонить пред вами колени, клянусь слезами Христа!

– Давай-ка лучше я к тебе на колени сяду, – воскликнула Шахерезада и немедленно осуществила обещанное. Русская принцесса обвила шею Доманского руками и заглянула в его серые глаза своими – темно-карими, озорно блестящими, огромными, чарующими…

Один глаз у нее самую чуточку косил, и, наверное, именно это придавало ее совершенной красоте ту неотразимую живость, ту волшебную силу, которую Доманский испытал на себе. В них была тайна, в этих глазах, – тайна, которую невозможно разгадать!

Да кто же она на самом деле, эта женщина, сидящая на его коленях? Дочь султана? Полька из знатной шляхетской

[3] Очаровательно (фр.).

семьи? Дитя неизвестных родителей, богатых русских? Дочь пражского трактирщика или нюрнбергского булочника? Шахерезада, принцесса?.. Доманский прижал ее к себе так крепко, как только мог. Авантюристка, отъявленная лгунья, отъявленная мошенница, мотовка, нечистая на руку… лучшая из любовниц, какие у него только были, лучшее из орудий, которое только могла подготовить оскорбленная Польша, чтобы уничтожить свою погубительницу, русскую императрицу Екатерину.

* * *

О, если бы Елизавета Петровна только могла вообразить, какие последствия будет иметь ее тайный брак с Алексеем Разумовским! Впрочем, не такой уж он был и тайный, если люди спорили, где именно он свершился: в церкви Вознесения в Барашах в Москве или в селе Перово, в пяти верстах от Москвы по Рязанской дороге. И конечно, судачили не только о новобрачных, но и о судьбах их детей.

Детей этих, как сообщали люди сведущие, было трое: старшие сыновья и младшая дочь, родившаяся в 1755 году. Оба сына канули где-то на таинственных тропах, которыми суждено бродить отпрыскам коронованных особ, рожденным в морганатических браках. О дочери доподлинно было известно, что ее звали Августа, она сразу после рождения была увезена некой итальянкой, Иоганной Дараган, прибли-

женной Елизаветы Петровны, в Италию и воспитывалась там как Августа Дараган, собственная дочь этой Иоганны, ничего не ведая о своем происхождении. Однако о нем знали или догадывались другие люди, к примеру господин Шмидт, ее учитель, и вот он-то оказался несдержан на язык, а от него вести о существовании незаконной дочери русской императрицы Елизаветы дошли до князя Карла Радзивилла, жившего тогда в Париже.

Этот богатейший из польских магнатов был вынужден искать пристанища во Франции, как и многие другие шляхтичи, бывшие в недавнем прошлом конфедератами – участниками борьбы против раздела Польши, который учинила Екатерина II в 1772 году, когда возвела на престол Речи Посполитой своего бывшего любовника Станислава Понятовского. Эмиграция пыталась настраивать против русской императрицы европейские правительства. Однако проку сие не имело, оттого паны шляхтичи жалили Россию и там и сям, сбоку, сзади, спереди – со всех сторон, откуда только могли подсунуться.

Вызнав у господина Шмидта максимум подробностей об Августе-Елизавете Дараган и удостоверившись, что она ни за что, никогда, ни при каких обстоятельствах не будет настаивать на своих правах, Радзивилл принялся искать актрису, которая могла бы с успехом сыграть роль русской принцессы-затворницы.

Полякам с давних пор, когда они поддержали цареви-

ча Дмитрия, сына Ивана Грозного, и помогли ему, пусть ненадолго, захватить отеческий престол, понравилось подсаживать на русский трон каких-нибудь нечаянных людей. Заменить Дмитрия они попытались Лжедмитрием – монахом-расстригой Гришкой Отрепьевым, Тушинским вором. Не повезло, и их пыл на какое-то время остыл… Но теперь, после поражения Барской конфедерации, у гонористых шляхтичей просто-таки руки тряслись от нетерпения снова внедрить в Россию своего человека – желательно не одного.

Конечно, наиболее действенной их акцией была организация восстания Емельяна Пугачева, среди ближайших соратников которого было немало поляков, старательно выдающих себя за русских мужиков. И вот Пугачев под именем императора Петра III Федоровича, чудеснейшим образом спасшегося после покушения в Ропше, двинулся по Волге, все вокруг себя предавая огню и смерти. Однако мстительный Радзивилл счел, что не мешает потрепать нервы Екатерине еще каким-нибудь образом. Например, выставить на сцену дочь Елизаветы Петровны от ее морганатического брака с Разумовским…

Вот было бы преотлично, кабы успеха добился и Петр III, и принцесса Елизавета-Августа!

Радзивилл в своей польско-французской страсти к романтическим эскападам был при этом не в ладах с логикой и не учитывал одной малой малости: успех одного самозванца начисто исключал успех другого! Либо трона добивается

Петр, либо Елизавета-Августа. Если к цели придут оба, то между ними неминуема кошмарная свара, которую придется расхлебывать тем же полякам… Но и это были мелочи, на которые не стоило оглядываться. Предстояло еще найти актрису на роль русской принцессы!

Понятное дело, это было не так легко. Но, как говорится, толцыте – и отверзется, ищите – и обрящете. Поляки стучали, стучали, искали, искали… И наконец-то нашли то, чего так страстно желали!

Счастливчиком, обнаружившим вожделенный бриллиант, оказался Михаил-Казимир Огинский, посланник польского короля, хлопотавший при дворе Людовика XV о помощи конфедератам, а заодно о поддержке турецкого султана, который уже держался на последнем издыхании в результате побед русского оружия на суше и морях. Как-то, отираясь в приемных и прислушиваясь к сплетням, Огинский узнал о прибытии в Париж весьма загадочной особы. Она называет себя русской, носит титул принцессы Владимирской, а зовут ее то ли Алиной, то ли Али-Эмете. Воспитана она была дядей в Персии, а теперь хочет отправиться в Россию, чтобы отыскивать некое баснословное наследство. Кстати, персидский дядюшка тоже чрезвычайно богат, и все его несметные сокровища непременно перейдут когда-нибудь к Алине.

Огинский со своим чутьем прожженного авантюриста сразу сделал стойку и отправился на бал к мадемуазель Вла-

димирской, благо вход к ней был свободный. Вообще, жила она чрезвычайно широко, делая баснословные кредиты под персидское и русское наследство.

Красота молодой женщины, сила и обаяние ее личности поразили искушенного шляхтича. Однако еще сильнее, просто-таки наповал был сражен Огинский виртуозным умением Алины плести интриги, вымогать у мужчин деньги и лгать так, что неискушенный человек невольно верил каждому ее слову, пусть даже самому нелепому, будто это было Священное Писание.

В те давние времена люди настолько мало знали о жизни других стран, что готовы были поверить любому баснословному слуху. Тем паче если слух этот касался загадочной России. Поэтому история жизни Алины Владимирской имела в парижском обществе сокрушительный успех. Однако поляки волей-неволей (и по близкому соседству, и по многовековой ненависти) знали о России несколько больше, чем прочие европейские народы. И, выбравшись из постели сей принцессы, куда он угодил в первую же ночь после знакомства, Огинский начал размышлять более трезво.

Кое-какие концы с концами не сходились. Например, он, знакомый довольно хорошо с русскими аристократическими родами, знал, что никаких князей Владимирских там уже лет триста в помине нет. Дядюшка персидский шах тоже выглядел фигурой мифической, если учитывать безусловно европейскую внешность прекрасной Алины… И вот, предаваясь

с очаровательной дамой самой пылкой страсти по ночам, в дневное время Огинский через свою агентуру наводил о ней справки и пытался собрать елико возможно больше сведений о том, как и где жила Али-Эмете Владимирская, прежде чем осчастливила своим прибытием столицу Французского королевства.

Что же он узнал?

Особа сия, подлинное имя которой было неведомо даже ей самой, рано осталась без родителей и никогда не пыталась узнать, кто же произвел ее на свет. Очень может статься, что она и впрямь была русская по происхождению, потому что расходы по ее воспитанию взял на себя некий лорд-маршал Кейт, брат которого находился на русской службе и воевал против турок. Может статься, Луиза (так ее называли в детстве) была дочерью этого брата от русской жены – скорее всего, дочерью внебрачной.

Сначала, в детстве, за ней ухаживала нянька Катерина, ну а потом, после ее смерти, девочку перевезли в Германию, в Киль, и отдали на воспитание в семью барона Штерна. Когда барон скончался и деньги на ее содержание поступать перестали (наверное, умер и Кейт), Луиза некоторое время жила чуть ли не из милости у вдовы данцигского купца Шумана. Это была особа, умеющая постоять за себя и взять от жизни все. Именно она давала Луизе первые уроки обращения с мужчинами и умения управлять ими. Что и говорить, кра-

савица Луиза оказалась способной ученицей!

Хорошо воспитанная и по тому времени недурно образованная, она блестяще знала французский и немецкий языки, говорила немного по-итальянски и по-английски… русского не знала (!). Она была умна, весела, любезна, кокетлива, обворожительна. При виде ее чуточку раскосых глаз и чуточку веснушчатого носика мужчины шалели. При звуке ее голоса готовы были ради нее на все. При первом же поцелуе становились ее покорными рабами! Скоро фрейлейн Франк (Луиза приняла эту фамилию) стала известна как первая красавица Берлина. Жертвой ее красоты пал не кто-нибудь, а сын бургомистра Иоганн Штеллер. Он немедленно сделал красавице предложение. Однако вот какое приключилось несчастье: отец Иоганна, Вольф Штеллер, влюбился в невесту сына до такой степени, что поссорился с сыном и даже вызвал его на дуэль. Седина в голову, бес в ребро! Когда жена господина бургомистра попыталась помешать ему, он в ярости ударил ее с такой силой, что убил на месте.

Итак, Луиза Франк косвенным образом оказалась замешана в убийстве… Она немедленно решила, что берлинские погоды могут неблагоприятно сказаться на ее здоровье, и быстренько переехала в Гент, на всякий случай переменив имя и назвавшись девицей Шель. Здесь она познакомилась с сыном голландского торговца Готлибом ван Турсом и моментально повергла его к своим стопам.

Ван Турс оставил жену и всецело предался любви к Луизе.

Но, чтобы содержать такую несказанную красоту, нужны были деньги. Готлиб, пользуясь именем отца и кредитом во многих торговых домах Гента, назанимал немалые суммы. Луиза, которая обладала умением тратить как никто другой, моментально все спустила. Кредиторы ополчились на Ван Турса, и, чтобы избежать тюрьмы, он бежал из Гента в Лондон – разумеется, вместе с Луизой.

Здесь она приняла имя мадам Элизы Тремуйль и принялась выдавать себя за француженку. С ее красотой и шиком, а также с совершенным французским языком ей это удалось с легкостью.

Впрочем, кроме имени, в ней мало что изменилось. Она с таким же наслаждением проматывала деньги, которые ее любовник исправно брал в долг. В конце концов и лондонские кредиторы ополчились против него, так что он вынужден был бежать в Париж, оставив впопыхах подругу и взяв от нее на память привычку менять имена: теперь Ван Турс звался бароном Эмбсом. Эту страсть к титулам ему тоже привила Элиза.

А ее утешил друг Ван Турса – барон (настоящий!) фон Шенк. Пройдя по проторенной дорожке, он назанимал кучу денег, и Элиза целых три месяца жила, может быть, даже на более широкую ногу, чем сама королева. Однако нехорошие кредиторы стали преследовать Шенка, и он бежал в Париж, прихватив с собой Элизу, а также очень немалые деньги, которые ему по оплошности ссудил один несведущий человек.

И вот тут-то Элиза, очарованная Парижем, решила изумить столицу мира. Как раз незадолго до этого она прочла сказки «Тысячи и одной ночи», которые были необычайно популярны в Европе в те годы – как, впрочем, вообще все, имеющее отношение к загадочному Востоку. Элиза выдумала свои сказки про русское и персидское наследство, а также про дядюшку шаха, приняла имя Алины Владимирской, блеснула в Париже с той яркостью, о которой мечтала, – и привлекла самое пристальное внимание польского конфедерата Михаила Огинского…

Собранные сведения враз потрясли и вдохновили этого господина. Не было сомнения: на роль дочери императрицы Елизаветы, наследницы русского трона, Алина Владимирская подходила идеально! И пан Огинский поспешил сообщить о ней своему патрону Радзивиллу, который в это время как раз путешествовал по Европе.

* * *

Пока паны шляхтичи обсуждали ее будущую судьбу, принцесса Владимирская, она же Шахерезада, жила в Париже в свое полное удовольствие. Поистине, у нее был какой-то гипнотический дар убеждать людей в истинности своих слов! Самые прожженные парижские банкиры не сомневались, что персидско-русские сокровища вот-вот потоком хлынут в подвалы их банков, а потому предоставляли прин-

цессе неограниченные кредиты.

Нет, конечно, сама Шахерезада не ходила по банкирам с протянутой рукой. Для нее старались известные нам бароны Эмбс и фон Шенк, а также еще какие-то простаки, пленен-ные как россказнями Шахерезады, так и ее обворожитель-ной и вполне доступной красотой.

Ее сравнивали с Клеопатрой по любве-обильности и уме-нию лишать мужчин не только денег, но и остатков благора-зумия. Правда, у Клеопатры не было веснушек, которые по-рою выступали на дерзком носике Шахерезады и довершали дело покорения мужских сердец. Некий маркиз де Марин, придворный Людовика XV, человек, мягко говоря, немолодой, растратил на нее все свое состояние, бросил семью, оставил даже Версаль, пожертвовал всеми своими связями, покинул Францию, когда ее покинула Шахерезада. Ее руки просил граф Рошфор де Валькур, гофмаршал владетельного князя Лимбурга, находившийся тогда в Париже. Сам Огин-ский, вынужденный уехать по своим конфедератским делам, бомбардировал ее любовными письмами.

Поскольку Шахерезада еще не имела ни малейшего пред-ставления о том, на какую роль ее намерены пробовать поль-ские паны, она решила устроить свою судьбу с помощью вы-годного брака и дала согласие стать женой Рошфора – пред-варительно сделавшись его любовницей. Рошфору, впрочем, необходимо было получить согласие своего сеньора, князя Лимбурга. Он повез невесту во Франкфурт… между про-

чим, как раз вовремя, чтобы убрать ее из-под носа разъяренных кредиторов, которые уже утомились ждать персидского золота и жаждали засадить принцессу в долговую тюрьму. Им, впрочем, достался только замешкавшийся Эмбс, он же бывший Ван Турс, – остальная компания с принцессой во главе успела передислоцироваться во Франкфурт. Правда, и сюда протянули свои руки сердитые парижские заимодавцы, однако перед ними выросла неодолимая стена, которая вынудила их попридержать свои притязания.

Имя сей стены было Филипп-Фердинанд, владетельный граф Лимбургский, Стирумский, Оберштейнский и прочая, князь Священной Римской империи, претендент на герцогство Шлезвиг-Гольштейнское. Это был холостяк сорока двух лет от роду, убежденный женоненавистник. Но воистину – от ненависти до любви один шаг! И очень скоро во Франкфурте едва не повторилась берлинская история… Правда, до дуэли дело не дошло: граф Рошфор, поняв, что сеньор нагло отбивает у него невесту, начал было ревновать, но в результате попал в тюрьму как государственный преступник, а князь Филипп увез прекрасную Шахерезаду во Франконию. Там, в замке Нейсес, она стала любовницей Лимбурга – и получила свободный доступ к его состоянию.

Так роскошно принцесса Владимирская еще никогда не жила! Неудивительно, что она снова поддалась своей страсти менять имена и называлась теперь попеременно то султан-

шей Алиной-Эмете, то Элеонорой, принцессой Азовской. Когда ее считали дочерью турецкого султана, она не спорила.

Да ведь и верно – она вела жизнь истинной султанши. У нее был свой двор, где она ощущала себя полновластной хозяйкой. Чтобы пощадить чувства князя Лимбурга, она постепенно выдворила из Нейсеса фон Шенка и де Марина, ну а бедняга Эмбс так и сгинул где-то в недрах парижской долговой тюрьмы.

Князь Лимбург настолько крепко попался на крючок, что уже готовился к свадьбе и намеревался по этому случаю сделать своей султанше поистине царский подарок: передать ей во владение графство Оберштейн. Однако один из его друзей, фон Горнштейн, видимо, бывший слепым и глухим импотентом, поскольку не пал тотчас к ногам этой всеобщей обворожительницы, умолил князя поискать хотя бы какие-то подтверждения происхождения невесты.

Шахерезада восприняла вопросы как личное оскорбление, пригрозила немедля уехать в Персию, к дяде шаху, а впрочем, представила заинтересованным слушателям новую версию своего происхождения:

– Через несколько недель вы прочтете в газетах, что я – единственная наследница дома Владимирского и в настоящее время без затруднений могу вступить во владение наследством после покойного отца моего. Владения его были подвергнуты секвестру[4] в 1749 году и, пробыв под ним два-

[4] Секвестр – запрещение или ограничение, налагаемое государственной вла-

дцать лет, освобождены в 1769 году. Я родилась за четыре года до этого секвестра; в это печальное время умер и отец мой. Четырехлетним ребенком взял меня на свое попечение дядя мой, живущий в Персии, откуда я воротилась в Европу 16 ноября 1768 года.

Кроме этой душещипательной байки, Шахерезада предъявила черновик (!) своего письма к русскому вице-канцлеру, заведовавшему тогда иностранными делами, князю Александру Михайловичу Голицыну. В этом письме Шахерезада называла его своим опекуном и уведомляла, что по гроб жизни влюблена в князя Лимбурга и намерена вступить с ним в брак. Также она сокрушалась, что тайна, покрывающая доселе ее происхождение, подает повод ко многим про нее неблагоприятным рассказам, а сделанные ею незначительные долги злопыхатели преувеличили, чтобы иметь возможность поскорей воспользоваться ее наследственными сокровищами. В заключение Шахерезада уверяла князя Голицына в неизменности своих чувств, благодарности и привязанности к императрице Екатерине II, а также в постоянном своем беспокойстве о благе России.

При письме был приложен проект о сосредоточении всей азиатской торговли на Кавказе. Шахерезада писала в заключение Голицыну, что она готова сама приехать в Петербург для разъяснения этого проекта, если бы в нем состояла надобность.

стью в интересах государства на пользование каким-либо имуществом.

Поистине, у этой женщины был государственный ум, и она вполне заслуживала звания принцессы, которое вскорости было на нее возложено!

Князь Лимбург был сражен наповал. Горнштейн, судя по всему, оказался не вполне глухим, слепым и бессильным, потому что тоже был вполне убежден в правдивости Шахерезады. Как искупление неприятностей Шахерезада получила во владение графство Оберштейн и стала именоваться графиней с полным на то основанием.

Однако вскоре до Лимбурга начали доходить слухи о ее похождениях и приключениях в Берлине, Генте, Лондоне, Париже. Это стало известно Шахерезаде, и она решила избавиться от любовника, прежде чем он познает ее истинную подноготную. Она окончательно поселилась в Оберштейне, стала вести себя там полновластной хозяйкой (от этого полновластия скоро криком закричали все жители графства!) и начала потихоньку выживать прежнюю прислугу, окружая себя лишь исключительно преданными людьми. Среди таких людей, между прочим, была дочь прусского капитана Франциска Мешеде, которая и в самом деле осталась неразлучна с Шахерезадой до самого конца ее приключений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.